

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44
П18

Brad Parks
SAY NOTHING

Серия «Новый мировой триллер»

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Martell Agency и Jill Hughes Foreign Rights.

Перевод с английского *Виктора Липки*
Под редакцией *Юлии Милоградской*
Оформление обложки *Екатерины Фerez*

Паркс, Брэд.

П18 Ничего не говори : [роман] / Брэд Паркс ; [пер. с англ. В. Липки]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 480 с. — (Новый мировой триллер).

ISBN 978-5-17-102587-8

Дела у федерального судьи Скотта Сэмпсона идут как нельзя лучше — двое здоровых детей, любящая жена Элисон, трудная, но приносящая удовлетворение работа и наполненная семейными радостями повседневная жизнь.

По крайней мере, так можно было сказать до 17.52 той среды. Той самой среды, с которой начался кошмар.

В это время домой вернулась Элисон.

Одна.

Нельзя идти в полицию, нельзя идти в ФБР, нельзя обращаться к властям. Близнецы будут живы и невредимы до тех пор, пока судья делает то, что ему велено.

«Ничего не предпринимай, ничего не говори...»

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-102587-8

© Brad Parks, 2017
© Липка В., перевод, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Я женат на удивительной женщине. Много лет назад она сказала мне, что я должен следовать за своей мечтой, и с тех пор каждый день делает все для того, чтобы воплотить эту мечту в реальность. Этот роман — особенно этот — я посвящаю ей.

Глава 1

Их первый выпад против нас оказался крошечной вспышкой на радаре грохочущей вокруг жизни, настолько тусклой, что я не придал ему никакого значения.

Он пришел мне на телефон в виде сообщения от моей жены Элисон в среду, в 3 часа 28 минут пополудни:

Привет, забыла сказать, что детям сегодня после обеда надо к врачу. Заберу их сама.

Я не почувствовал ничего, кроме легкой досады. Средой была День Плавания с Папой, и этот еженедельный ритуал в нашей семье удостаивался больших букв. В последние три года мы с близнецами регулярно отдавали ему дань. И хотя начало предсказуемо обещало быть провальным, потому что дети не столько плавали, сколько старались не пойти ко дну, впоследствии все начали получать большое удовольствие. Сэм и Эмма, которым теперь было по шесть лет, страстно полюбили воду и превратились в настоящих ондатр.

Все сорок пять минут, пока один из них не начинал стучать зубами и я не понимал, что пора вылезать из воды, мы получали удовольствие от общества друг дру-

га. Мы брызгались, бросались из одного угла бассейна в другой, играли в выдуманные нами самими игры, вроде полюбившегося всем Детеныша Бегемота. Когда веселишься со своими детьми, душа наполняется такой радостью, что заменить это уже ничего больше не может, даже если при этом ты навеки застрял в роли Бегемотики.

Я каждый раз предвкушал этот день с тем же трепетом, с каким относился ко всем тем ритуалам, которые вскоре обозначили границы нашей маленькой семейной вселенной. Пятница, к примеру, была ознаменована Феерией Настольных Игр, воскресенье было Блинным Днем, а понедельник Днем Танцев и Шляп, подразумевавшим, как следует из названия, танцы. Танцы в шляпах.

Вполне возможно, что в этом нет ничего сногсшибательного. Оно и понятно, кому придет в голову украсить обложку «Космополитен» броским заголовком «Как устроить своему мужчине лучший в его жизни Блинный День!». Но с некоторых пор мне стало ясно, что сложившийся распорядок становится фундаментом счастливой семьи, счастливого брака, а значит, и счастливой жизни.

Поэтому в тот день, лишившись своего маленького еженедельного удовольствия, я был раздосадован. Одно из преимуществ профессии судьи заключается в том, что при составлении графика работы я пользуюсь определенной свободой. Коллеги знают, что как бы остро ни стоял вопрос о восстановлении справедливости в среду днем, Его Честь Скотт А. Сэмпсон в четыре часа покинет кабинет, чтобы забрать детей с «продленки» и поехать в бассейн Молодежной Христианской Организации.

Я подумал о том, чтобы все-таки сходить куда-нибудь поплавать. Рыхлые сорокачетырехлетние белые мужчины не должны упускать возможности позанимать-

ся спортом. Но в конце концов я представил себя в бассейне без Сэма и Эммы и понял, что это было бы не то. Я поехал домой.

Последние четыре года мы живем в старом деревенском доме на берегу реки Йорк, который называем «фермой» — потому что там мы становимся похожи на творческих людей. Этот сельский район прибрежной Вирджинии, который еще называют Срединным полуостровом, находится в округе Глостер в трех часах езды от Вашингтона и в стороне от проторенных троп.

История о том, как мы там оказались, началась в Вашингтоне, где я был правой рукой и консультантом одного влиятельного американского сенатора. Продолжением был один случай — точнее даже, Инцидент, тоже с большой буквы — в результате которого я оказался на больничной койке, что обычно способствует пересмотру жизненных приоритетов. Закончилось все назначением меня на должность федерального судьи в Норфолке, в Восточном округе Вирджинии.

Возможно, это было и не совсем то, что я рисовал в своем воображении, когда пятиклассником впервые открыл «Конгрэшил Куортерли»*. Сказать, что мое назначение было из тех, что открывают путь на политическое поприще, тоже нельзя. С точки зрения нагрузки, федеральные судьи как утки: под водой происходит гораздо больше, чем кажется.

Но это, конечно, было куда лучше морга, которым для меня мог закончиться тот Инцидент.

Поэтому я, по зрелом размышлении, мог бы вам сказать, что дела у меня идут как нельзя лучше — двое здоровых детей, любящая жена, трудная, но приносящая

* Официальное ежеквартальное издание Конгресса США, содержащее информацию о деятельности Палаты представителей и Сената (*здесь и далее — прим. пер.*).

удовлетворение работа и наполненная семейными радостями повседневная жизнь.

По крайней мере, так можно было сказать до 17.52 той среды.

В это время домой вернулась Элисон.

Одна.

Я был на кухне, резал фрукты, которые дети возьмут завтра в школу.

Я слышал привычные звуки: Элисон открывает дверь, Элисон ставит сумку, Элисон шуршит конвертами, просматривая почту. Каждый день с девяти до половины шестого она работает с детьми с нарушениями умственного развития — настолько тяжелыми, что у местной школы не хватает средств, чтобы удовлетворить их нужды. На мой взгляд, это мучительная работа — из меня она выжимала бы все соки. Но Элисон почти всегда возвращается домой в прекрасном настроении. Она — воплощение заботы.

Мы вместе со второго курса колледжа. Я влюбился в эту девушку, потому что она была красива и все равно при этом считала милым, что я могу назвать всех 435 членов Конгресса вместе со штатами и партиями, которые каждый из них представляет. Что делать такому парню, как я, повстречав такую девушку, как она? Правильно, вцепиться в нее мертвой хваткой.

— Привет, дорогая! — крикнул я.

— Привет, милый, — ответила она.

Я сразу понял, чего не хватает, — я не слышу близнецов. Шестилетний человек — создание шумное, а двое шестилетних — и подавно. Обычно Сэм с Эммой влетают в дом, хлопая дверью и топоча ногами, болтая, напевая под нос, неизбежно создавая вокруг себя какофонию звуков.

Единственное, что обращает на себя внимание больше, чем производимый ими шум и гам, это его отсут-

ствии. Я вытер полотенцем мокрые от яблочного сока руки и направился по коридору в переднюю — задавать вопросы.

Элисон стояла, склонив голову и просматривая вынутый из конверта счет.

— А где ребята? — спросил я.

Она озадаченно подняла на меня глаза.

— Что ты имеешь в виду? Сегодня же среда.

— Я знаю. Но ты прислала мне сообщение.

— Какое сообщение?

— Что вы идете к врачу, — сказал я, доставая из кармана телефон, — можешь прочитать.

— Я ничего тебе не присылала, — ответила она, даже не глядя на экран телефона.

В этот момент я со всей ясностью понял, что такое сидеть на берегу и наблюдать, как вода непостижимым образом отступает от берега — такое бывает перед цунами. Человек просто не в состоянии представить себе масштаб того, что вот-вот на него обрушится.

— погоди, ты хочешь сказать, что *не забрал* близнецов? — спросила Элисон.

— Нет.

— Они не у Джастины?

Джастина Кемаль, студентка из Турции, училась в колледже и бесплатно жила у нас в небольшом домике в обмен на то, что некоторое количество дней в месяц присматривала за детьми.

— Сомневаюсь, — ответил я, — сегодня среда, и она...

В руке зазвонил телефон.

— Наверное, это из школы, — сказала Элисон, уже хватая с тумбочки ключи от машины, — скажи им, что я сейчас буду. Ну ты даешь, Скотт!

Входящий номер не определился. Я нажал кнопку ответа и сказал:

— Скотт Сэмпсон.

— Здравствуй, судья Сэмпсон, — прозвучал чей-то голос, глубокий, глухой и неразборчивый, будто трубку прикрыли куском толстой ткани, — приятно, наверное, когда жена приходит домой.

— Кто это? — глупо спросил я.

— Тебе, вероятно, интересно, где Эмма и Сэм, — произнес голос.

Мое тело откликнулось на все первобытные инстинкты разом. Сердце бешено заколотилось о ребра. Кровь бросилась в лицо и зашумела в ушах.

— Где они? — спросил я.

Вопрос еще глупее первого.

Элисон застыла на полпути к двери. Тело у меня было напряжено, как будто я готовился раздавать удары направо и налево.

— Скаврон, — сказал голос.

— Скаврон... — повторил я. — Что «Скаврон»?

Судебное заседание по делу «Соединенные Штаты против Скаврона», связанному с торговлей наркотиками, было назначено на следующий день. На подготовку к нему у меня ушла вся первая половина недели.

— Завтра получишь сообщение. В нем будут указания по поводу приговора, который бы нас устроил, — произнес голос. — Выполни их в точности, если хочешь увидеть детей живыми.

— Какие указания? Что вы...

— Нельзя идти в полицию, — продолжал голос, — нельзя идти в ФБР, нельзя ставить власти в известность. Дети останутся живыми и невредимыми до тех пор, пока ты будешь делать вид, что ничего не произошло. Ничего не предпринимай, ничего не говори. Это ясно?

— Нет, подождите, я не понял. Я ничего не понимаю.

— Тогда я тебе объясню. Если у нас возникнет малейшее подозрение в том, что ты сообщил властям, мы нач-

нем отрезать пальцы. А если подозрение подтвердится, в ход пойдут уши и носы. Теперь понял?

— Да. Да. Пожалуйста, не причиняйте им вреда. Я сделаю все, что вы хотите. Пожалуйста, не...

— Ничего не говори, — повторил голос.

И связь оборвалась.

Глава 2

Входная дверь была по-прежнему распахнута. Глаза у Элисон были широко раскрыты от ужаса.

— В чем дело? — спросила она. — Что происходит? Что значит: «не причиняйте вреда»?

Я не сразу смог ответить. Я не мог даже вздохнуть.

— Скотт, скажи что-нибудь!

— Дети... Их... — мне пришлось сделать усилие, чтобы произнести это слово, — ...похитили.

— Что? — пронзительно вскрикнула она.

— Этот голос... он сказал... что я должен вынести приговор по делу, слушание которого назначено на завтра, а потом... добавил, что если мы пойдем в полицию, то они начнут отрезать... — я непроизвольно поднес руки к лицу и судорожно открыл рот, чтобы сделать глоток воздуха, — ...отрезать пальцы. Велел ничего никому не говорить. Молчать, иначе...

Сердце колотилось в груди. Мне казалось, что как жадно бы я ни втягивал в себя кислород, его все равно будет недостаточно. Грудь мне сдавила огромная невидимая рука.

«О боже, — подумал я, — у меня сердечный приступ».

Дышать. Надо было дышать. Но, несмотря на все усилия, мне не удавалось наполнить легкие воздухом.

Я рванул чересчур тугой ворот рубашки. Ох нет, это же галстук. Мне казалось, что он меня душит.

Я поднес к шее другую руку, чтобы сорвать любую одежду, препятствующую доступу крови в мозг. И только тогда понял, что галстука на мне сейчас нет.

Лицо превратилось в пылающую печь. Из каждой поры сочился пот. В ноги вонзались иглы и булавки. Еще немного, и я упаду.

— Скотт, что происходит? — кричала Элисон. — Что значит «похитили»?

Я до абсурдного отстраненно наблюдал, как у нее на шее вздувались вены.

— Скотт! — закричала она, схватила меня за плечи и с силой встряхнула. — Скотт, черт бы тебя побрал, что происходит?

Этого я не знал. Но Элисон, видимо, хотела получить ответ и с силой колотила меня в грудь, бессвязно крича:

— В чем дело? Что происходит?

Наконец мне пришлось в голову защититься. Как только я поднял руки, чтобы оградить себя от ударов ее кулаков, Элисон сползла на пол, обняла себя за колени и зарыдала. Она как будто повторяла: «О господи». А может быть, «мои дети». А может, и то и другое вместе.

Я наклонился, чтобы поднять ее — не понимая зачем, — но безуспешно. Вместо того чтобы поставить на ноги ее, я сам начал оседать на пол. Я встал на одно колено, а потом опустился на оба. В глазах все плыло. Я почувствовал, что теряю сознание, и громко застонал.

Какая-то часть мозга, которая все еще вяло выполняла свои функции, подсказала, что если я умираю, то надо лечь. Я повалился на бок, перекатился на спину и устался в потолок, жадно хватая ртом воздух и ожидая момента, когда начнет темнеть в глазах.

Но вот только ничего не произошло. Лицо по-прежнему горело, и я был почти уверен, что лоб вот-вот лопнет

от жара. Постепенно начало приходить сознание того, что жар означает переизбыток крови в голове, а не ее недостаток.

Это был не сердечный приступ, а паническая атака.

Паника не убивает. Я должен был заставить тело действовать, даже если оно этому противилось. Я был нужен своим детям. Больше, чем когда-либо за всю свою жизнь.

Эта мысль заставила меня снова встать на четвереньки, подползти к стене, опереться о нее и с трудом подняться на ноги. Я захлопнул входную дверь — сам не знаю зачем — и посмотрел на телефон, лежащий на полу.

Я подобрал его и стал просматривать список контактов в поисках нужного номера. Я был поглощен желанием спасти своих детей, как за несколько мгновений до этого был поглощен необходимостью вдохнуть.

— Что... что ты делаешь? — спросила Элисон.

— Звоню в Службу федеральных маршалов.

Маршалы отвечают за мою безопасность, пока я нахожусь на территории суда. За ее пределами я нахожусь в зоне ответственности Федерального бюро расследований. Ни одного сотрудника ФБР у меня в телефоне не оказалось, зато был номер заместителя главы Службы маршалов, ответственного за охрану здания суда. А он, в свою очередь, мог позвонить в ФБР.

— Что? — переспросила Элисон.

— Я звоню первому заместителю...

Со сверхъестественной скоростью Элисон вскочила на ноги и выбила из моих рук телефон, который отлетел в противоположный угол комнаты.

— Совсем спятил? — спросила жена.

— Зачем ты...

— Ты что, всерьез решил звонить маршалам?

— Ну да, я...

— Не вздумай, — произнесла она пронзительно, как будто вонзив в меня острое лезвие.